

В. В. Алексеев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ: ПОИСКИ И ОБРЕТЕНИЕ*

Высшим проявлением идентичности народа является его национальная идея, которая «выступает как система социальных стратегий и тактик определения положения общества в историческом времени и пространстве, как единство самоопределения нации в контексте различия с другими системами социокультурных ценностей».¹ В традиционном обществе идентичность обеспечивается соответствием жизнедеятельности социума идеально-нормативным образцам, в индустриальном — социальная реальность начинает раскалываться, а в постиндустриальном — происходит смешение различных типов идентичности, что приводит к размытости самоидентификации, отсюда трудность формулирования современной национальной идеи. Однако глобализация вызывает ответную реакцию в виде роста этнокультурного национализма и подталкивает народы к защите своих национальных ценностей. Обостряется потребность в четком определении миссии нации на современном этапе. Поэтому перед Россией сегодня стоит задача завершения формирования цивилизационной идентичности и формулирования новой национальной идеи.²

Именно в сложившейся критической ситуации ей необходима устойчивая национальная идентичность. В XX в. Россия дважды пережила разрушительные кризисы идентичности: первый — в его начале, второй — в конце. Суть первого — потеря миссии вселенского православия, а второго — утрата идеи «светлого будущего» человечества — коммунизма. Первый кризис обернулся перманентной борьбой

между этими двумя идентичностями, почти столетней революцией, а второй — распадом великой державы, что поставило российскую цивилизацию на грань мутации и выживания. Нынешняя миссия «энергетической державы» не устраивает ни наше Отечество, ни мировое сообщество. Поэтому в настоящее время развернулись отчаянные поиски новой идентичности, которые пока не привели к положительному результату.

Обретению русской идеи, разным трактовкам ее судьбы посвящена огромная литература — от «Повести временных лет», в которой летописец Нестор ставил вопрос «откуда пошла Русская земля?» до «Манифеста просвещенного консерватизма» Никиты Михалкова. Нет никакой возможности проанализировать все в одной статье. Попытаемся вычленить и оценить главные этапы трансформации идеи, наметить подходы к формированию ее современного варианта.

В истолковании русской идеи чаще всего сталкиваются два разных представления о ней — богословское и светское. А. Н. Боханов считает их непримиримыми и исключает «синтетический метод», оставаясь приверженцем космологического принципа.³ Конечно, синтезировать эти разные представления не стоит, но и уходить от исторической реальности их взаимодействия трудно. Обожествляемая им царская власть руководствовалась в управлении страной и ее народами церковными заветами, но проводила-то их в жизнь вполне светскими методами. Возникает дилемма: русская идея — безжизненный фантом или историческая реальность? Если это историческая реальность, то она существовала в конкретных условиях и имела конкретные результаты. И задача исследователя заключается в том, чтобы понять их и по достоинству оценить.

Став составной частью христианского мира, приняв православие, Русь приобщилась к культурному богатству Византии, являвшейся наследницей греко-эллинистической культуры. Летописец Нестор поведал о пророчестве апостола Андрея Первозванного, ставшем

¹ Ершов Ю. Г. Государство без идеи — просто населенная территория // Дискурс Пи. Дискурс идентичности. 2005. Вып. 5. С. 9.

² Там же.

Алексеев Вениамин Васильевич — академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: istor@uran.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» и проекта Отделения историко-филологических наук РАН «Советская политическая система в истории России: особенности геополитического и регионального развития»

³ Боханов А. Н. Русская идея от Владимира святого до наших дней. М., 2005. С. 12.

впоследствии основой утверждения богоизбранности святой Руси — России.⁴ Отсюда ее мессианское предназначение в русской идее. Восточное (византийское) христианство исходило из того, что «невозможно христианам иметь церковь, а царя не иметь».⁵ Эту заповедь восприняли московские великие князья, которые стали именоваться царями, а их держава объявлялась вселенским «Благословенным царством», что стало основным компонентом русской идеи.

После падения Византии Московское царство осталось единственным православным государством. Эту мысль инок псковского монастыря Филофей облек в формулу: «Москва — третий Рим, а четвертому не быти». Руси предназначалась роль носительницы и хранительницы истинного христианства, православия. Россия — единственное православное царство, и в этом смысле царство вселенское, подобно первому и второму Риму. Идея богоизбранности Руси, задавая вектор мессианизма, развилась в практику неприятия западного христианства, прежде всего католичества, и в теорию потенциальной перспективности России по отношению к Западу, что нашло отражение в поиске русской идеи мыслителями XIX в.

Именно тогда под влиянием побед над Наполеоном и создания в Европе «Священного Союза» во главе с Россией поиск русской идеи приобрел особую остроту. В первой четверти XIX в. она из страны, которой постоянно угрожала внешняя опасность и континентальная изоляция, превратилась в своеобразную сверхдержаву. В этих условиях произошел своего рода сплав трех предшествующих принципов исторического самоосмысления россиян — принципа религиозного (православие — Киевская Русь), политического (самодержавие, «священное царство» — Московская Русь) и социального (европейская цивилизация — Российская империя). На этом поприще выступали наиболее колоритные фигуры общественной мысли страны.

В 1830-е гг. П. Чаадаев, сравнив Россию с Западной Европой и выявив их абсолютное несходство, сделал вывод о том, что наша страна находится в особых отношениях с божественным Провидением. Она «получила в удел задачу дать в свое время разгадку чело-

веческой загадки». Это, с его точки зрения, и должно стать русской идеей в отличие от уже осуществленных идей Востока и Запада. Замысел Провидения в отношении России видится Чаадаевым в том, «что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества».⁶

Славянофилы (1840-е гг.) сформулировали концепцию, в рамках которой русская идея оказалась тотально превосходящей основы западноевропейской цивилизации. Единственной альтернативой грядущей катастрофе Запада, по убеждению славянофилов, может быть только русская идея, то есть православие, заложившее духовные основы русского народа и гармонично вписавшееся в формы изначальной славянской социальности.

На конкретном материале это доказал Н. Данилевский в своей книге «Россия и Европа». С его точки зрения, уникальность России состоит в том, что она единственная обладает «здравым» общественно-экономическим строем, позволяющим прогнозировать ее устойчивость. Европе (германо-романскому типу), с одной стороны, грозит Харибда цезаризма или военного деспотизма, с другой — Сцилла социальной революции. Трактовка русской идеи Данилевским придала ей новый геополитический смысл: она оказалась знаменем, под которым вокруг России должны объединиться славянские народы для того, чтобы навсегда решить «Восточный вопрос» — отвоевать Константинополь как традиционный центр православно-славянского мира.⁷

Это привело к переосмыслению христианской составляющей русской идеи и придало ей универсально-всечеловеческое измерение. Ключевыми фигурами на этом пути стали Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. Федоров. Достоевский сопоставлял русскую идею с основными конфессиями христианства. Уже проявила себя католическая (французская) идея, эволюционизировавшая в антихристианский социализм; противопоставила себя ей протестантская (германская) идея, зависящая от католицизма. «А между тем на Востоке, — констатирует Достоевский, — действительно загорелась и засияла небывалым

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 2. С. 96.

⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1995. С.

и неслыханным еще светом третья мировая идея — идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы».⁸ Он именовал русских «народом-богоносцем», не придавая этому шовинистического значения, что переводило проблему из сферы национального в сферу христианского служения. Размышления о «всечеловечности, всепримиримости, всечеловечности», по мнению Достоевского, составляют содержание русской идеи. Это те черты, которые сформировались как результат гармонического развития многочисленных этносов в пределах России, их приобщения через русскую культуру к достижениям мировой культуры. Поэтому русская идея рассматривалась в многонациональной России как общенациональная. Именно в этом видел Достоевский роль русского народа в процессе всемирного человеческого единения. Он подчеркивал, что Россия постоянно жертвовала своими национальными интересами в угоду интересам других народов, неоднократно защищала европейскую цивилизацию от вторжения со стороны Востока и спасала Европу от ее собственных тиранов.

Н. Федоров обосновал фундаментальную разделенность мира на «Восток» и «Запад». В контексте такой схемы и определялось им призвание России. Будучи правопреемницей христианской Византии, она брала на себя всемирное дело последней — «дело внутреннего и внешнего примирения Запада с Востоком». Главное препятствие на этом пути, по Н. Федорову — враждебность Запада (Европы). Он писал: «Запад, употребляя исламизм как оружие, силится нанести удар по славянству, которое своею грудью защищало тот же Запад; и как только будет разбита эта грудь, исламизм, не опасаясь более России, сбросит с себя окопы Запада... затем по трупам России исламизм шагнет к самому Западу».⁹ Как современно это звучит в свете последних событий на Балканах, Северном Кавказе, в Африке!

Наряду с представлениями передовой общественной мысли своего времени, существовала и официальная трактовка русской идеи, представленная министром Народного просвещения графом С. С. Уваровым. Она получила название «Теория официальной

народности: самодержавие, православие, народность». Эта теория была резко раскритикована в годы советской власти. Между тем в ней был определенный смысл, который оберегал незрелую политическую культуру страны от внутренних и внешних радикалов, но она не смогла предотвратить трагические события начала XX в. Триада официальной народности утверждала единство национального самосознания и властной вертикали, чего так недостает сегодня России, разумеется, в современном понимании.

Для некоторых современных авторов существование русской идеи заканчивается в начале XX в. В частности, А. Н. Боханов, назвав свою фундаментальную монографию «Русская идея от Владимира святого до наших дней», почему-то завершил ее 1917-м годом. Неужели тогда, столетие назад, кончились «наши дни»? Конечно, после революции 1917 г. прервалось православное понимание русской идеи, но она продолжала жить в народном сознании и в новой форме присутствовала даже в большевистской лексике. Стоит только вспомнить триаду официальной народности, чтобы убедиться в этом. Правда на месте самодержавия оказалась диктатура пролетариата, на месте православия — марксизм-ленинизм, а на месте народности — новая историческая общность — советский народ. Девиз же «Москва — Третий Рим» превратился в «Третий Интернационал».

В ходе Октябрьской революции 1917 г. и советских преобразований восторжествовала так называемая Красная идея, которая, с одной стороны, унаследовала мессианский характер русской идеи, а с другой стороны, категорически отвергла ее религиозное содержание. Мессианизм проявился прежде всего в попытке развернуть мировую пролетарскую революцию с целью избавления трудящихся в первую очередь европейских государств от капиталистической эксплуатации. В дальнейшем он вылился в масштабную помощь странам, освобожденным от колониальной зависимости. Если первая попытка не увенчалась успехом, то помощь Советского Союза сыграла огромную роль для молодых развивающихся государств. Стержнем Красной идеи был девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Она призывала к строительству коммунизма — своего рода «царства Божьего» на земле. Однако создать земной рай не удалось. В силу объективных и субъективных причин социалистическая идея

⁸ Достоевский Ф. М. *Дневник писателя*. СПб., 1999. С. 304.

⁹ Федоров Н. Ф. *Сочинения*. М., 1982. С. 294.

в Советском Союзе была дискредитирована, что привело к катастрофическим последствиям для страны.

Несмотря на то что марксизм пришел из Западной Европы, советское руководство отгородилось от нее железным занавесом по причинам как внешним, так и внутренним. Западные страны сначала пытались осуществить интервенцию в Советскую Россию, а потом организовали ее блокаду. С точки зрения внутренней политики советская власть не была заинтересована в широких контактах с Западом, поскольку жизненный уровень населения в СССР был значительно ниже, что подрывало веру в преимущества социализма.

В определенной мере в XX в. осуществился тезис о всеславянском единстве, особенно после II Мировой войны, когда образовалось социалистическое содружество государств в Восточной Европе. Правда в него не вошла Греция, которая в русской идее всегда фигурировала как оплот православного мира. Вообще после II Мировой войны с созданием социалистического лагеря, расположенного не только в Европе, но и в Азии, и с укреплением социально-экономической и военной мощи страны, Советский Союз превратился в супердержаву, фактически в Третий Рим. Но существовал и Четвертый — США, которые после распада СССР вершат судьбу мира.

Божественный смысл русской идеи был полностью отвергнут большевиками, что, однако, не мешало им подчеркивать если не богоизбранность, то, по крайней мере, особую роль России в мире. Во внутреннем плане советский атеизм нанес огромный урон культуре и нравственности народов СССР. Отрицая в теории богоизбранность русского царя, коммунистические лидеры на практике так возвысили свою власть, что она оказалась куда большей, чем царская. Этому способствовало имперское прошлое, порожденное традиционным обществом, незавершенной модернизацией. Сам советский строй базировался, с одной стороны, на европейской социалистической идее, а с другой стороны, на общинных началах российской жизни. Это противоречие порождало гибрид догоняющей модернизации, что вело к аномалиям, крайностям и жестокостям сталинского режима, который представлял собой сплав советского авторитаризма и имперского традиционализма.

Красная идея подвергалась ожесточенной критике как внутри страны, так и за ее пре-

делами, особенно среди русской эмиграции. Наибольший интерес представляют взгляды Н. Бердяева и И. Ильина. Так, Н. Бердяев писал: «В России революция могла быть только социалистической... По русскому духовному складу революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологии всегда были тоталитарными, теократическими или социалистическими. <...> Марксизм был приспособлен к русским условиям и русифицирован. Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей... Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен».¹⁰

И. Ильин приложил большие усилия к разработке русской идеи, альтернативной большевизму. По его мнению, «эта идея должна быть государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная. Эта идея должна исходить из самой ткани русской души и русской истории, из духовного склада».¹¹ По Ильину, «это есть идея воспитания в русском народе национального духовного характера... Без этого России не быть...». «Для русского народа, — утверждал Ильин, — нет выбора: если он не вступит на этот путь, то он вообще не может удержаться на исторической арене. Тогда он будет отваян в пространство, как историческая мякина, или затоптан другими народами, как глина».¹² Дальновидная позиция Ильина в отношении национальной идеи исключительно важна в современных условиях, когда в муках ведется ее поиск на постсоветском пространстве.

После распада СССР и отказа от Красной идеи, на заре либеральных реформ Президентом Б. Н. Ельциным была поставлена задача разработки новой русской идеи. Ее подготовку он поручил Б. Березовскому, В. Гусинскому, Г. Бурбулису и их сподвижникам,¹³ но позитивного результата не последовало: одни

¹⁰ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 216.

¹¹ Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1998. Т. 7. С. 457, 458.

¹² Там же. С. 458, 464.

¹³ См.: Россия в поисках идеи. Рабочие материалы Группы консультантов при Администрации Президента Российской Федерации. М., 1997; Подберезкин А. Русский путь. М., 1996. С. 17.

восприняли ее как выражение национального самосознания, другие — как доктрину русского национализма и шовинизма, третьи видели в ней программу действий в новых условиях, а четвертые скептически отрицали саму идею как никчемную и даже вредную в переходный период. Возникает вопрос: если в ее необходимости сомневаются в переходный период, когда требуется определить вектор движения и стратегию развития, то так ли она нужна после его завершения? Видимо, дело не в том, что идея не нужна России, а в том, что ее трудно сформулировать в сложившейся крайне противоречивой ситуации в стране.

К началу 2000-х гг. относится попытка сформулировать национальную идею в Институте истории и археологии УрО РАН. Она была обсуждена и одобрена Всероссийской научно-практической конференцией «Россия в поисках национальной стратегии развития» (апрель 2003 г.), и звучала так: «Просвещение, гражданственность, достоинство».

Слово «просвещение» в русском языке имеет более широкий смысл, чем просто «путь к знаниям». Оно происходит от христианского «просветление» и означает не только накопление знаний, но и высокую нравственность. Просвещение разума и духа знаменовало важнейшие вехи национальной истории России, периоды ее взлетов и побед. Просвещение — это идея последовательной и целеустремленной борьбы с бездной отсталости, бескультурья, мизерных жизненных целей, за право и правду; это культ знаний, приоритетное развитие науки и высоких технологий как основы решения задач модернизации страны в широком смысле слова.

Гражданственность должна видоизменить взаимоотношения общества и государства, сделав благо рядового российского гражданина конечной целью и смыслом деятельности Российского государства. Идея гражданственности означает примат закона над бюрократическим произволом. Традиционный идеал сильного Российского государства в современных условиях немислим вне идеи гражданственности.

Идея достоинства связана с преодолением в российском обществе массового настроения самоуничтожения, пренебрежения ко всему отечественному, порожденного «лихими» 90-ми. Достоинство — это то, что должно в конечном счете помочь России найти свой органичный

путь, по которому она пойдет к экономическому процветанию и культурному прогрессу, опираясь на собственный труд, интеллект и волю.

В совокупности эта триада отражает наиболее значимые проблемы России,¹⁴ но нужно еще и осмысление места страны в современном мире. На пути формирования национальной идеи в сложной российской действительности встречается очень много трудностей, но их необходимо преодолевать в условиях натиска глобализма. В мире с каждым годом нарастает противоречие между глобализмом и регионализмом. Понимая неизбежность глобализации, многие народы пытаются сохранить свои основные этнонациональные ценности. Для России эта проблема обретает особую остроту, поскольку народ, прежде всего молодежь, после 20 лет неопределенности теряет надежду на выход из нее, что чревато большими неприятностями для Отечества.

Между тем национальные идеи имеют не только передовые державы, но и развивающиеся. Известны идеи (девизы) 175 стран мира. Среди них такие классические широкоизвестные, как «Свобода. Равенство. Братство» (Франция), «Бог и мое право» (Англия), «На Бога уповаем. Новый порядок на века» (США), «Свобода или смерть» (Греция), «Социализм с китайской спецификой» (Китай), «Земля обетованная» (Израиль), «Единство в многообразии» (Европейский Союз) и др. Есть и экзотические девизы: «Звезда и ключ Индийского океана» (Маврикий), «Куда кривая выведет» (Бермуды).¹⁵ Для России последняя формулировка никак не подходит, хотя она во многом отражает то, как дело обстоит на практике. По оценке Отдела политического анализа и национальной безопасности Информационно-аналитического управления Совета Федерации РФ, «со времен Ленина–Сталина и доктрины “экспорта революции” в России отсутствует доктринальное мышление как форма государственного управления и развития».¹⁶ Следствием этого обстоятельства является то, что в приведенном выше обзоре в графе «Российская Федерация» записано: «Закон. Справедливость. Процветание.

¹⁴ См. об этом подробнее: Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 386–398.

¹⁵ См.: Арбатская М. Н. Национальная идея в национальных девизах // Россия и современный мир. 2010. № 2(67). С. 113–118.

¹⁶ Там же. С. 121.

Свободная Россия — надежда мира». Этих декларативных фраз хватит на несколько государств, но они не отвечают сути реальных процессов и не дают представления о перспективах России.

А какой же все-таки быть новой российской идее? На этот вопрос еще в начале прошлого века ответил знаменитый английский геополитик Х. Дж. Маккиндер. Сравнивая национальные идеи Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатов Америки,¹⁷ он выдвинул идею Хартленда «сердцевинной, срединной земли» (от англ. heart — «сердце» и land — «земля, суша»), под которой понимал Россию с ее огромными природными ресурсами, многомиллионным населением, выгодным геополитическим положением.¹⁸ В ходе II Мировой войны ученый доработал свою концепцию, получившую мировой резонанс благодаря принципиально значимой стратегической безопасности региона. По Маккиндеру, «Хартленд является величайшей естественной крепостью на земле»,¹⁹ которую необходимо беречь не только для нашего Отечества, но и для мирового сообщества.

Более того, сформулировав концепцию «географической причинности во всемирной истории», он называл Россию осевым государством (pivot — «центр, ось вращения»), которое служит стабилизатором мировых процессов. При этом никакая социальная революция, с его точки зрения, «не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования».²⁰

I и II Мировые войны, третья «холодная», с нашей точки зрения, наряду с конкретными территориальными притязаниями воюющих стран друг к другу, преследовали цель разрушить осевое государство — Россию, лишит ее важного стратегического преимущества. А последовавший за этим распад Советского Союза «деформировал ось мировой истории», что фатально нарушило международную стабильность и привело к катастрофическим последствиям.

В интересах мирового сообщества восстановить status quo. Генеральная же задача России

на современном этапе заключается не в возвращении к славе Третьего Рима, не в создании оплота мировой пролетарской революции, не в поиске приюта в Европейском общем доме, а в сохранении и упрочении Хартленда, что означает обретение ею современной национальной идеи.

По этому поводу сталкиваются самые разные точки зрения. Высказываются мнения о том, что Россия должна разработать оригинальный подход к сложившейся критической ситуации в мире и сформулировать спасительную идею. Это не исключено, но какими силами она будет ее осуществлять? Видимо, сегодня преждевременно надеяться на третье издание мировой мессианской идеи. Необходимо найти ее реальный, оптимальный, обобщенный вариант для выхода из внутреннего тяжелейшего кризиса страны.

Сущность этого кризиса неоднократно излагалась различными политическими и научными силами, что избавляет нас от необходимости лишней раз обращаться к этой теме. Целесообразней сопоставить подходы к конструированию современной национальной идеи. В этой связи особого внимания заслуживает мнение Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Национальная идея не может ограничиться формулированием неких пусть даже фундаментальных истин, она должна иметь непосредственный выход в практическую сферу, призвана быть движущей силой при совершении людьми определенных деяний».²¹

Немало сделано в этом отношении Московским центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Нельзя не согласиться с таким тезисом: «Для человека важна идея, смысл существования и преодоления. Они зачастую более весомы, чем материальные условия... Страна в целом побеждала тогда, когда воины знали, за что они воюют. Страна прирастала территориями, осваивала их — когда людьми двигала значимая и осознанная идея».²²

Национальная идея, в понимании исследователей данного Центра, — «это устойчивое представление индивида о прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его жизненные усилия, а также состояние об-

¹⁷ См.: Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории / Пер. с англ. М. А. Тимофеева // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 163.

¹⁸ См.: Он же. Круглый мир и достижения мира / Пер. с англ. К. И. Зубкова // Урал. ист. вест. 1994. № 1. С. 152–157.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Маккиндер Х. Дж. Указ. соч. С. 169.

²¹ Цит. по: Арбатская М. Н. Указ. соч. С. 121.

²² Национальная идея для России. Программа действий (постановка задачи) / Под ред. С. С. Сулакшина. М., 2009. С. 5.

пественного сознания».²³ С индивидом в данной формулировке все в порядке, но идея-то национальная (государственная), а о государстве в ней нет и слова, как нет и упоминания о его месте в современном мироустройстве. Идея должна быть государственной (национальной), т. е. сочетающей интересы страны и человека в определенную историческую эпоху. За такую идею люди будут бороться, с нею они будут побеждать.

Учеными центра впервые поставлен вопрос об управленческом потенциале национальной идеи, что, безусловно, очень важно в современных условиях, но пока не ясно, как он будет решаться. Скорее надо думать о реализации идеи в широком смысле и о гарантированном ее выполнении, а для этого требуется гигантская аналитическая работа, которая намечена центром, но она пока не завершена, и национальная идея не сформулирована.

На современном этапе, при многогранности и сложности бытия, эту идею трудно свести к какой-то краткой формуле, броскому слогану. Она не может звучать как политический лозунг на злобу дня, а должна служить интегрированной долгосрочной общенародной программой действий. В условиях же острой политической борьбы за перспективы развития страны, отсутствия фундаментальных научных разработок в данной области сложно и рискованно формулировать так необходимую законченную национальную идею. Придется ограничиться кратким девизом — «*Безопасность, идентичность и справедливость, стабильность*». Эта формулировка соответствует назревшим потребностям Отечества. Она не выражает чьих-то особых — классовых или этнических, экономических или политических — интересов, никому не угрожает, не противоречит нормам международного права.

Безопасность — категория двойственная (внешне- и внутривнутриполитическая), свойственная истории и современному положению государства. Территория Хартленда — России издавна была надежным бастионом безопасности. Несмотря на потери, связанные с распадом СССР, она, в принципе, остается срединной до наших дней и в состоянии обеспечить стране «положение крупнейшей сухопутной державы на Земном шаре».²⁴ Теперь пробле-

ма заключается в том, чтобы сохранить ее неязвимость от современных средств массового поражения и так называемого «организационного оружия». Внешняя безопасность Хартленда — проблема не только российская, но и мировая.

Внутренняя безопасность зависит от множества причин: экономических, политических, социальных, демографических, научно-образовательных, культурных и др. Однако сегодня на первый план выходят технологические и террористические угрозы, криминалитет, этнический и социальный радикализм, правовой нигилизм, обнищание народа. Для преодоления этих негативных явлений требуется единство общества, государственная и личная самодостаточность.

Идентичность (самотождественность, самоценность, равнозначность мыслимого и реально существующего) — корневая категория национальной идеи. Столетия она опиралась на православие и самодержавие, десятилетия — на социалистическое мировоззрение и советскую власть, а в конце XX в. в одночасье после распада СССР произошел полный крах идентичности, которая не восстановлена до сих пор. Большинство населения не понимает, с кем себя отождествлять в политическом, экономическом, социальном, национальном, ментальном и других отношениях. Отсюда неразбериха во всех областях жизнедеятельности, что ставит под вопрос способность Отечества защищать свои интересы и грозит распадом Российской Федерации. Без идентичности нет единого народа. Именно это обстоятельство со всей остротой ставит вопрос о разработке объединяющей национальной идеи.

Особую остроту приобрела проблема национальной идентичности. Россия исторически обеспечивала мир и процветание многочисленным народам, самобытность которых не ущемлялась центральной властью, и способствовала гармонизации государственных интересов. В конце XX в. эта гармония была нарушена, что привело к многочисленным этническим столкновениям и, в конце концов, к распаду великой державы. Чтобы избежать подобного в XXI в., России необходимо обеспечить всем ее народам разумную идентичность, поскольку в многонациональной державе приходится находить равновесие между правом на самоопределение и правами человека, не ущемляя ни то ни другое.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ См. об этом подробнее: Маккиндер Х. Дж. Круглый мир и достижение мира. С. 152–157.

Сегодня миллионы граждан России находятся за границами страны, а в нее прибывают миллионы иностранцев, прежде всего гастарбайтеров, с иными национальными, конфессиональными, культурными и другими традициями. Какова их идентичность? От этого зависит решение многих экономических, социально-культурных и других проблем государства. Идентичность становится ключевым фактором в их решении.

Обретение новой идентичности абсолютно необходимо в условиях разобщенности современного российского общества. Она позволит возродить духовное богатство страны, аккумулировать достижения имперского, советского и постсоветского периодов, снять остроту социальных и национальных противоречий, собрать напрасно растрачиваемые силы для преодоления смутного времени и успешного продвижения вперед по пути прогресса.

С идентичностью тесно связана *справедливость* в обществе. Она является спутником православной цивилизации. Со времени раннего христианства и до наших дней за нее борются все народы, особенно русский. За правду и справедливость выступали выдающиеся мыслители Отечества и предводители народных движений. И хотя справедливость в России неоднократно попиралась правящей элитой, она остается надеждой и чаянием народа. В настоящий трудный и ответственный период российской истории от нее зависит будущее российской цивилизации, поскольку новых крупных потрясений из-за пренебрежения справедливостью ей не выдержать. Подавляющее большинство населения встретит включение понятия «справедливость» в формулировку современной национальной идеи с энтузиазмом. Конечно, абсолютная справедливость недостижима, но вопиющее неравенство, которое существует в России, должно быть устранено.

Стабильность — главное условие сохранения российской идентичности и осуществления национальной идеи. России как воздух нужна передышка от войн и революций, эпохальных побед и поражений XX в. Ее силы необходимо восстановить на поприще новой идентичности, что предполагает развитие гражданского общества, экономики, образования, науки и культуры. Не последнюю роль в этой связи играет умение распоряжаться свободой. Она, по мнению Маккиндера, «не мо-

жет быть выучена или преподавана; она может быть только предоставлена тем, кто умеет ею пользоваться».²⁵

Стабильность предполагает опору на исконные ценности Отечества. Успеха добиваются именно те страны, которые ценят и сохраняют свои традиции, например Китай, Япония. Россия тоже обладает традициями, несмотря на их трансформацию в советский и либеральный периоды. Более того, практика показывает, что без учета национальных традиций опора лишь на иноземные не дает должного эффекта, отравляет сознание населения и ведет к отторжению зарубежных инноваций. Учет мирового опыта абсолютно необходим в условиях глобализации, но он должен умело сочетаться с национальными традициями. В противном случае модернизационные процессы начинают пробуксовывать, что и происходит сегодня в России.

Существенную роль в обеспечении стабильности государства играют его доктринальные постулаты. Самоотречение от христианского православия в пользу европейского социализма, а затем от него — в пользу западного либерализма привело Россию к катастрофическим последствиям. Не исключено, что произойдет ныне труднопредставимый синтез православия, социализма и либерализма. Такое возможно на базе возрождающегося в стране православия, выдыхающейся критики социализма и реформируемого либерализма.

Подводя итоги, можно утверждать, что возраст русской идеи практически равен возрасту государства Российского. Она формировалась веками усилиями иерархов православной церкви, государственных мужей, российских философов и писателей. Одни ее положения сыграли важную роль в жизни страны, другие потерялись в веках, третьи были переосмыслены, изменены советской властью, четвертые формируются в наши дни. При этом надо иметь в виду прежде всего то, что русская идея в многонациональной империи всегда была общенациональной, поскольку она создавалась не на этнических принципах, а на основе духовной (православной) общности. Существенно и то, что в ней выражалась гражданственность, устойчивая идентичность, самоидентификация народов своей Родине, служение всех сословий единой цели — защите Отечества и его стабильности, национально-

²⁵ Там же. С. 157.

государственному достоинству. Обретение национальной идеи прошло соответственно историческим эпохам несколько этапов — от клерикального до светско-имперского и от марксистско-ленинского советского до либерального. Современная формулировка на-

циональной идеи опирается в крупные доктринальные противоречия в обществе, преодоление которых видится на пути отказа от вселенского мессианизма и в переходе к решению внутренних жизненно важных проблем страны.

Ключевые слова: *национальная идея, глобализация, цивилизация, мессианизм, православие, самодержавие, народность, славянофилы, Красная идея, супердержава, тоталитаризм, социализм, либерализм, просвещение, гражданственность, достоинство, Отечество, Хартленд, безопасность, идентичность, справедливость, стабильность*

NATIONAL IDEA OF RUSSIA: SEARCH AND ATTAINMENT

The article presents a review of different versions of the Russian national idea from the ideas of monk Filofei, thoughts of P. Chaadajev, N. Danilevsky, F. Dostoyevsky, and S. Uvarov's theory to its transformation into the Bolsheviks' Red Idea. The author examines their similarity and differences with reference to the criticism of the proletarian idea by N. Berdyaev and I. Iljin. An attempt by B. Yeltsin and his supporters to formulate a new Russian national idea is described. The paper offers a critical assessment of the proposals of the Institute of History and Archaeology of the Ural branch of RAS on this subject. Attention is drawn to the importance of the so-called Heartland concept formulated by the English geopolitics scholar Sir H. Mackinder. It is demonstrated that at the present stage of development, given the versatility and complexity of life, as well as dramatic polarization of the Russian society this idea can hardly be reduced to a brief formula or a catchy slogan. The motto suggested by the author is "Security, identity and justice, stability". In conclusion it is stated that the Russian idea in a multi-ethnic empire always had a national meaning, since its foundation was not ethnic, but rather a common spiritual (Russian Orthodox) community.

Veniamin V. Aleksejev